

Глава 17. С младенцем на руках

Цзя Динъи первым делом перебросил узлы через стену, а следом и сам протиснулся сквозь собачий лаз. Закрепив поклажу за спиной, он схватил Бу Циня за руки и волоком потащил за собой. То ли из-за неудобной позы, то ли от усталости, но сегодня Бу Цинь показался ему... подозрительно тяжелым.

Когда ноги Бу Циня уже миновали лаз, Динъи с изумлением обнаружил, что тело того тянется, словно бесконечная сосиска — одна секция сменялась другой, и конца-края им не было видно. К ногам Бу Циня намертво прицепились пухлые ручонки, а следом из дыры в стене показалась круглая, как парная булочка, физиономия Дуань Упиня. За ней последовал вздутый животик и задорно торчащий «колокольчик».

— Здорово! — радостно вскрикнул малыш. — Ещё! Хочу ещё!

Динъи посмотрел на него мрачным взглядом и медленно вытянул из-за пояса длинную иглу. В его голове бушевала буря: невинное лицо Упиня было прямо перед ним, заставляя колебаться. Наконец он тяжело вздохнул, убрал иглу и, взвалив Бу Циня на спину, закутал ребенка в какую-то одежду. Сверху на пацана он нацепил еще и узел с вещами.

— Пинь-эр, хочешь, я отведу тебя поиграть?

Малыш радостно захлопал в ладоши и закивал.

И вот, под дождем, утопая в грязи, Цзя Динъи двинулся в путь, волоча за собой это импровизированное семейство. Так началось его восхождение к власти.

Маршрут он продумал заранее: подальше от города, проселками к соседнему поселению, чтобы купить там экипаж. Что же до будущего... Динъи скосил глаза на Бу Циня, который в беспомощности выглядел почти безгрешным. Что бы ни случилось, этого человека он из рук не выпустит.

***

Бу Цинь пришел в себя только на рассвете. Тело ныло, а на груди лежало что-то непомерно тяжелое, будто его придавило валуном. Открыв глаза, он увидел перед собой пухлого «святого отрока», который сидел на нем верхом, бесстыдно выставив напоказ свое маленькое хозяйство.

— Дядя! Играть! — Упинь, заметив, что Бу Цинь очнулся, принялся радостно подпрыгивать. Каждое движение маленького задка отзывалось в груди Бу Циня такой болью, что тот едва не сплюнул кровью.

Бу Цинь поспешно спихнул голого племянника с себя. Он только открыл рот, чтобы спросить,

где они, как занавеска в фургоне отодвинулась, явив лицо Цзя Динъи.

— Мы покинули поместье Дуань, — ровно произнес тот.

— Что?! — Бу Цинь внезапно вспомнил ту яростную молнию в ночи, в свете которой лицо Динъи казалось ликом демона. Он судорожно прижал Упиня к себе и в ужасе пролепетал: — Ты... ты что задумал? Куда ты нас тащишь?

— Куда? — Динъи, не оборачиваясь, продолжал править лошадей. — Это уж мне у уважаемого автора спросить надо.

Бу Цинь сглотнул.

— Я тебе ничего не скажу! Ты и ребенка похитил! Одумайся, отпусти нас, пока семья Дуань не настигла тебя. Ты же понимаешь, чем это кончится!

Динъи обернулся и одарил его ледяной улыбкой.

— Если нас поймают, худо будет не мне, а тебе. Я купил яд Гуйсуй и все противоядия от твоего имени. А на теле старца Юньцзуня «случайно» осталась твоя нефритовая подвеска.

— Что?! — Бу Цинь окончательно лишился дара речи. Только сейчас до него дошло, что значит быть истинным антагонистом: это способность калечить чужие жизни без тени сомнения. Он проклинал себя за то, что так плохо знал собственных персонажей. Неудивительно, что он годами прозябал в неизвестности.

— Я скорее умру, чем выдам тебе, как заполучить сокровища и тайные техники этого мира, — отрезал Бу Цинь. — Даже если это лишь книжный мир, за свои злодеяния ты заслуживаешь тысячи смертей.

Динъи остановил повозку и пристально посмотрел на автора. Казалось, он хотел что-то сказать, но в итоге лишь криво усмехнулся.

— Знаешь, почему Дуань Чэнь-ши так легко подставила тебя, обвинив в ранении Упиня? Это я шепнул мальчишке, что если он прыгнет с высоты, то сразу постигнет высшее мастерство.

Бу Цинь перевел взгляд с невинно убиенного в его памяти старца на маленького Упиня, который в этот момент увлеченно разглядывал свои пальцы на ногах.

— Ты... ты настоящий дьявол.

— Дьявол, которого создал ты, — парировал Динъи. — Когда убивает главный герой — это справедливость. Когда убиваю я, мелкая сошка — это непростительный грех. Думаешь, ты всё еще вершитель судеб? Ты здесь такой же слабый и никчемный человечиска, как и все остальные.

Бу Циню было нечего возразить. От бессильной ярости его била дрожь.

Динъи, напротив, заметно повеселел. Он щелкнул вожжами и с легкой усмешкой бросил:

— Теперь мы с тобой повязаны одной ниточкой. С одного крючка не сорвемся.

— Я никогда не стану твоим сообщником, — прошипел Бу Цинь.

— Вот как? — Динъи снова натянул поводья и указал на дорогу. — Тогда выметайся.

Чего?

Бу Цинь сидел на обочине, привалившись к дереву. Ночной дождь превратил дорогу в сплошное месиво, и теперь он был с ног до головы измазан в грязи. Динъи «любезно» выставил его из кареты и укатил прочь, оставив после себя лишь облако пыли.

Маленький Упинь, сверкая голым задом, жалобно протянул:

— Дядя, я хочу кушать.

— Будет тебе еда, только штаны надень, ладно? — вздохнул Бу Цинь. Он стащил с себя верхнюю одежду и кое-как обмотал ею ребенка, стараясь прикрыть то, что в приличном обществе принято скрывать.

Упиню, который весь день наслаждался первозданной свободой, мокрая и грязная тряпка пришлась не по вкусу. Он яростно задергался, пытаясь вернуться в объятия природы.

Бу Цинь внимательно наблюдал за ним. Видя, с каким упорством малыш раздирает путы, он вдруг почувствовал прилив надежды. Может, это пробуждается дух героя?

— Он ушел, — таинственно прошептал Бу Цинь. — Теперь ты можешь сбросить маску и явить свою истинную суть. Я знаю, кто ты. Я знаю, что ты переродился. Я помогу тебе!

Упинь замер и насупился, он засомневался.

«Неужели? Неужели пробуждается мой главный герой?!» — сердце Бу Циня затрепетало.

— Верь мне! Верь в себя! Я обязательно... А?

Упинь поднатужился и... оросил землю. Выбрав единственный сухой клочок земли, он с облегчением сотворил лужицу, подобрал палку и с энтузиазмом принялся месить грязь. При этом он что-то деловито бормотал:

— Пинь-эр кушает, дядя кушает...

Закончив «готовку», он с самым благочестивым видом протянул Бу Циню кусок отборной грязи.

— Ешь сам, — выдавил Бу Цинь, отстраняясь.

Только в этот момент до него дошло, насколько он одинок и беспомощен в этом мире. Его единственная опора, созданный им самим доблестный герой, превратился в пускающего слюни младенца.

Он смотрел на уходящую вдаль колею — она терялась за горизонтом, как и его будущее. Бу Цинь попытался встать на костыли. Пользоваться ими он толком не умел: то забывал выставить их вперед, то слишком сильно наклонялся, из-за чего раз за разом падал лицом в грязь.

Упинь, хоть и лишился разума, остался послушным ребенком. Сверкая розовыми пятками, он ковылял следом за Бу Цинем. К вечеру они так и не встретили ни души. Делать нечего — Бу Цинь принялся собирать хворост.

Тут-то и выяснилось, что жизненного опыта у него — ноль. После вчерашнего дождя ветки были насквозь сырыми, а огнива у него не было. Благо стояло лето, и ночь обещала быть теплой.

— Дядя, кушать... — Упинь преданно заглядывал ему в глаза.

Бу Цинь прижал его к себе.

— Спи. Во сне голод не так страшен.

Сказал — и самому тошно стало. Вспомнилась сказка, которую бабушка рассказывала в детстве: как в старые лихолетия старуха баюкала голодного внука, обещая, что во сне придет тепло. Так они и уснули, обнявшись, чтобы больше не проснуться.

Теплое, пухлое тельце Упиня было единственным утешением. Бу Цинь долго отгонял от него мошкарку, пока сам не провалился в тяжелый сон.

Упиню, придавленному весом Бу Циня, спалось несладко. Он заворочался и открыл глаза. На ветке дерева прямо над ним сидел человек. Тот приложил палец к губам, призывая к тишине, и сбросил вниз пояс. Упинь ухватился за него, и его мгновенно вздернули вверх.

Динъи перехватил мальчишку, усадил к себе на грудь и тихо спросил:

— Проголодался?

Упинь жалобно закивал.

— На, ешь, — Динъи сунул ему в руки горячую булочку.

Малыш моргнул.

— Дяде тоже...

— Твой дядя вел себя плохо, ему не положено, — отрезал Динъи. — Ешь давай.

Упинь принялся за еду. Булочка была больше его головы, и он долго грыз тесто, прежде чем добрался до начинки. Динъи, глядя на это, негромко пробормотал:

— Теперь понятно, почему он не дал мне тебя прикончить.

Когда ребенок насытился, Динъи натер его кожу пахучим порошком от насекомых и сунул в рот крохотную пилюлю. Упинь сморщился от горечи и хотел было выплюнуть, но Динъи крепко сжал ему челюсти. Лекарство мгновенно растаяло, и на мальчика навалилась неодолимая дремота.

Динъи осторожно уложил его обратно под бок к Бу Циню и исчез.

***

Бу Цинь проснулся на рассвете с таким чувством, будто его всю ночь палками колотили. Упинь на нем спал крепко, безмятежно. Живот автора заурчал от голода, а в душе поселилась тревога. Будь он один — сбежал бы на край света. Но как выжить калеке с маленьким ребенком на руках?

Может, в сказители податься? Или судьбы предсказывать? Путь главных героев он, по крайней мере, помнил. Но сейчас он не мог сделать и шага. Бу Цинь попытался разбудить Упиня, толкал его, звал — никакой реакции.

В панике он схватил мальчишку за ноги и принялся трясти, перевернув вниз головой. Упинь оставался недвижим, словно кукла.

Всё. Конец. Бу Цинь чувствовал себя как вдова, потерявшая единственного сына. Если главный герой мертв, этот мир рухнет к чертям!

Он положил ребенка на землю и судорожно пытался вспомнить уроки первой помощи из телевизора. Кажется, надо зажать нос и дуть в рот? Он набрал полную грудь воздуха и приник к губам Упиня.

Откуда... откуда этот отчетливый запах булочек с чесноком и луком?

Бу Цинь сделал пару вдохов и едва не задохнулся от аромата начинки. Обернувшись, он наткнулся взглядом на пару крепких, по колено в грязи ног. Подняв голову, он увидел Цзя Динъи. Тот смотрел на него с издевательской ухмылкой.

— Ты! Маньяк! Убийца! — вскрикнул Бу Цинь. — Зачем ты вернулся?!

Динъи окинул взглядом их недвусмысленную позу и хмыкнул:

— Ну и кто из нас после этого извращенец?

Бу Цинь поспешно прикрыл одеждой «бесстыдника» Упиня.

— Что тебе нужно? Я же сказал — я с тобой не пойду.

— А что с Упинем? — небрежно поинтересовался Динъи.

— Он... — Бу Циня вдруг осенило. — Это ты! Ты что-то с ним сделал!

Динъи задумчиво жевал травинку, на его лице играла ослепительная улыбка.

— Ты ведь лучше всех знаешь этот мир. Угадай, чем я его угостил?

Бу Цинь лихорадочно перебирал в памяти список ядов.

— Неужели... Порошок Девяти Почтенных, Оставляющий Душу?!

«Порошок Девяти Почтенных...» — Динъи мысленно зафиксировал название и кивнул.

— Он же ребенок! — вскричал Бу Цинь. — Как у тебя рука поднялась?! Живо дай противоядие! Если он проспит слишком долго, мозг пострадает безвозвратно!

— У него и так с головой не всё ладно, хуже не будет, — отмахнулся Динъи. — Поедешь со мной. Когда доберемся до места, получишь противоядие.

Бу Цинь замер.

— Куда мы едем?

Динъи непроизвольно коснулся спрятанного за поясом свитка.

— На гору Улин.

— Гора Улин?! — Бу Цинь похолодел. — Но ведь это... обитель секты старца Юньцзуня!

<http://bllate.org/book/17444/1658180>